

ЭВОЛЮЦИЯ ФАМИЛИЙ В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ МОДЫ: ТЕНДЕНЦИИ И ЯЗЫКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ

Тематические слова: антропоним, имя, фамилия, языковая мода, тренды

Мода как универсальный и многогранный феномен всегда составляла неотъемлемую часть человеческой цивилизации. Под языковой модой ученые понимают специфическую форму „проявления языковой культуры посредством языковых привычек и вкусов, коммуникативных ценностей и тенденций, господствующих в каком-либо обществе в определенный период времени” (Ряпихова, 2013, с. 162).

Антропонимическая языковая мода — специфический феномен, требующий осмысления сквозь призму истории языка, социолингвистики и лингвокультурологии. В сфере антропонимии языковая мода как феномен культуры наиболее ярко проявляется в таком ономастическом разряде, как личные имена, которые с этой точки зрения рассматривались в работах: Бондалетов, 1983; Врублевская, 2015; Медвідзь-Пахомова, 2003; Bubak, 1978; Cieślíkowa, 1994; Malec, 1994; 2001 и др. В последнее время появились интересные исследования, в которых с опорой на теорию моды социолога А. Б. Гофмана анализируются в качестве модного объекта личные и рекламные имена (Крюкова, 2004; Врублевская, 2014). Однако фамилии в аспекте языковой моды в ономастике изучены недостаточно, что, вероятно, обусловлено представлением о данном типе антропонимов как наиболее устойчивых языковых знаках, тесно связанных с обычаями, традициями, господствующими в социуме в определенный период, в то время как основная функция моды — инновационная, выражающаяся в отказе от культурных образцов и разрывающая связь с традициями. При этом в историческом плане мода и обычаи имеют общие корни, традиции являются одним из источников модных инноваций (Гофман, 1994), а фамилии как ценностно нагруженные знаки изначально выполняли в обществе функции социализации, дифференциации, повышения или понижения социального престижа. Это позволяет рассмотреть

роль феномена моды в эволюции фамильной системы, выявить модные тенденции, существовавшие в разные периоды, а также попытаться объяснить появление определенных тенденций в современной системе фамильных наименований.

Согласно теории моды социолога А. Б. Гофмана (1994), модные объекты указывают на какие-либо ценности, которые воспринимаются как модные. К атрибутивным ценностям моды А. Б. Гофман относит новизну (современность), универсальность, демонстративность и игру. Данные универсальные признаки модного объекта И. В. Крюкова применила убрать именам собственным, предложив методику исследования модных имен в вертикальном (хронологическом) и горизонтальном (территориальном) измерениях (Крюкова, 2014).

С целью выявления влияния моды на становление фамильной системы белорусского ареала мы, используя методику И. В. Крюковой, проанализировали антропонимический материал памятников письменности Великого княжества Литовского XIV–XVII вв., а также неопубликованные метрические книги XVIII–XIX вв. Исследованные документы написаны на старобелорусском, латинском, польском и русском языках.

Как показывает анализ, становление фамилий белорусского ареала, длительное и неоднородное в территориальном, этнокультурном и социальном отношении, проходило в контексте общеевропейского процесса образования фамильных систем. Термин *фамилия*, который восходит к лат. *familia* ‘дом, семья, домочадцы’; ‘семейство, часть рода, носящая одно фамильное имя (cognomen)’, известен в памятниках Великого княжества Литовского уже с XVI в. в значении ‘наименование рода’: ‘,фамилию славную олековичев’ (Стрыйковский, 545 — ГСБМ, вып. 35, с. 389).

С точки зрения появления, формирования и смены антропонимических стандартов, которые воспринимались как престижные и потенциально способные выступать в качестве модного объекта, в образовании системы фамилий исследуемого ареала можно выделить несколько этапов.

Первый период — конец XIV–начало XVI вв. является началом языкового и социокультурного цикла, связанного с образованием фамилий на территории Великого княжества Литовского, которое было втянуто в орбиту общеевропейских культурно-исторических процессов. На данном этапе однокомпонентные антропонимы, распространенные до XIV в., сменяются двухкомпонентными наименованиями. Среди социальной элиты приобретает популярность двучленная антропонимическая формула *имя + фамилия* (патроним) на:

-(*ов*)/-(*ев*)ич, связанная с восточнославянской культурой наименования: *Ивашко Ильичич*; *Федьку Глебовичу* > *Федько Глебовичь*; *Митьку*

Володковичу > Митько Володковичъ; Грин Воловичъ; Янь Немеровичъ; Анъдреи Сакович 1440–1492 (ЛМ, кн. 3, с. 24, 26, 31, 38, 52).

В то же время однолексемные личные имена и прозвища изолированно и в сочетании с аппеллятивными конкретизаторами в XV в. чаще всего используются по отношению к следующим социальным и этническим группам: 1) мещанам: *мещанину виленскому Санчелю* (ЛМ, 4, с. 51); 2) духовенству: *Павлу, дьяку*; 3) слугам, крестьянам: *Мякало человек служебный, путный* (ЛМ, 3, с. 23, 31); 4) детям: *сыну его Федку*; 5) иноверцам: *жиду троцкому Моисею; татарину Абрагиму* (ЛМ, 4, с. 86, 64).

В отличие от данных групп населения, в одночленных формулах наименования представителей высших социальных слоев при повторном упоминании антропоним во многих случаях является уже фамилией: *Сопега; Нарбуту: князю Сонькгушку; пану Завиши* (ЛМ, 3, с. 19, 21, 67); *дворанина ... Жабу* (ЛМ, 4, с. 136); в форме *pluralia tantum*: *Хребтовичомъ всимъ* (ЛМ, 3, с. 55).

В XVI в. идентификация одночленным наименованием, выраженным крестильным именем, среди мещан составила 20%; среди крестьян — 24,6%, в то время как среди наименований шляхты одночленные конструкции без предшествующего упоминания в системе родовых связей являются единичными.

Появление фамилий привилегированных сословий белорусского ареала в XV в. коррелирует с выводами В. Матеяускене относительно времени образования литовских фамилий древних родов (Maciejauskienė, 1991, с. 307), а также украинских исследователей, согласно которым основные признаки фамилий украинской шляхты прослеживаются в XV–XVI вв. (Яковенко, 2013, с. 360). Данные антропонимические единицы не были подчинены юридическим правилам, однако при обозначении представителей высших социальных слоев обладали такими важнейшими признаками фамилий, как наследуемость, обязательность, охват всей семьи единым наименованием, в силу чего их можно обозначить термином историческая фамилия. При этом фамилия как обязательный член антропонимической формулы приобретает статусные семы, становится социальной привилегией и расценивается как социокультурный знак, символизирующий принадлежность к аристократическим кругам. Об этом свидетельствуют попытки правящей элиты воспрепятствовать ее распространению в народных „низах” (Никонов, 2007, с. 27).

Сопоставительный анализ становления антропонимической системы белорусского ареала и соседних территорий свидетельствует о синхронных процессах фамилиеобразования на территории Великого княжества Литовского, а также экстерриториальности данного явления.

Таким образом, основные направления эволюции фамильной системы белорусского ареала были обусловлены социально-экономическими, этнокультурными факторами, вызванными образованием полиэтнического и поликонфессионального государства, его широкими межъязыковыми контактами, формированием национальной и сословной идентичности, проявившиеся в порождении основных структурно-семантических фамильных типов, их хронологической и социальной дифференциации. В этой связи появление фамилий как новой антропонимической категории можно связать с такой значимой, по А. Б. Гофману, модной ценностью, как современность, которая соотносится с прогрессивностью и выражается в стремлении к инновациям.

Второй период — конец XVI–XVII вв. Как отмечают исследователи, в социально дифференцированном обществе мода в антропонимии движется вертикально, проявляясь в ориентации на стандарты именования элиты (Медвідь-Пахомова, 2003, с. 62–64). Так, во второй половине XVI в. двучленная антропонимическая формула, которая первоначально воспринималась как элитарная, становится всеобъемлющей, охватывая все социальные и этнические группы на территории Великого княжества Литовского.

Одновременно данный период характеризуется постепенным изменением модного стандарта среди древних родов Великого княжества Литовского. Характерной модной тенденцией в номинативных вкусах правящих элит постепенно становится ориентация на иностранные, в частности, польские модели именования. Знаковым рубежом в этом отношении является 1569 г., когда была подписана Люблинская уния между ВКЛ и Королевством Польским, после чего значительно усиливается колонизация высших слоев белорусского ареала.

Мода на польский язык и польскую культуру на исследуемой территории отражена по-разному на разных хронологических срезах и уровнях антропонимической системы. Одним из ранних проявлений польского влияния была модная тенденция среди аристократии, живущей на белорусской этнической территории, подписывать свои фамилии по-польски в документах на старобелорусском языке, ср.: *Adam Chrebtowicz własną ręką* 1549 (АВАК, т. 1, с. 165). В начале XVII в. уже практически вся шляхта белорусского ареала подписывалась по-польски (Свяжынскі, 2005, с. 63), ср. *podpisałę rękę mą, Jerzy Narbutt* 1675 (АВАК, т. 1, с. 130).

Следующий этап — конец XVII–XVIII вв. Несмотря на то, что на белорусских землях фамилии на *-ович* продолжают пользоваться определенным престижем, в высших социальных слоях популярность приобретает двучленная антропонимическая формула: имя + фамилия с суффиксом *-ск/-ук*, которая в XVII–XVIII вв. распространяется не только среди

белорусской, но также литовской, татарской, еврейской элиты, что свидетельствует о проявлении такой ценностной характеристики моды в антропонимии, как массовость, универсальность, ср.:

— среди литовских родов: *Michał Butwiłowski* < лит. *Bùt-vil-as* (AtWil, s. 328); *Jan Tolwiński* < лит. *Tól-vinas* (AtWil, s. 340);

— в реестре татарской шляхты 1765 г.: *pan Abraham Łodziński*; *pan Mustafa Michalowski*; *pan Abrahan Smolski*; *pan Zacharyasz Chalecki* (АБАК, т. 7, с. 424);

— среди еврейских родов: *Гелца Левковича Кемельского* 1680; *Leyby Jakubowicza Minskiego* 1684 (АБАК, т. 29, с. 81, 140); *Abrama Staweckiego* 1650 (АБАК, т. 28, с. 343); *Eiachimem Olszanskim*, *Dawidem Moyżeszowiczem Oszmianskim*, *Morduchem Zacharewiczem Smurgonskim*, *Szaiq Swirskim*, *Jakubem Krewskim* 1714 (АБАК, т. 29, с. 395).

Характерно, что фамилии на *-ский/-цкий* образовывались не только от топонимов, но и на базе антропонимов и апеллятивов: *pan Abraham Smolski* < *Исмаил*; *pan Józef Jotkowski* (АБАК, т. 17, с. 421, 424) < лит. *Juodaitis*, *Juodėlis* < *juodas* ‘черный’; *Ян Шванский*, ср. нем. *Schwan* ‘лебедь’ (АБАК, т. 22, с. 458); *Врублевский* 1559 (АБАК, т. 22, с. 99)//*Врубель*, польск. *Wróbel* < *wróbel* ‘воробей’; *Чаплинского* 1556 (АБАК, т. 21, с. 197), ср. бел. *Чапля*, *Чаплюк* (Бірыла, 1969, с. 446).

Универсальность данной модной тенденции проявилась, как известно, не только на этническом, но и социальном уровне, когда фамилии на *-ский*, первоначально являющиеся атрибутом шляхетской культуры, впоследствии распространились в низших социальных слоях. По мнению исследователей, данный тип антропонимов в социальных низах особую популярность приобрел в XVIII в., когда к прозвищным фамилиям массово добавляется суффикс *-ск* (Wolnicz-Pawłowska, Szulowska, 1998, с. 209). При этом правящая элита активно препятствовала массовости данного явления, что выражалось в сильных протестах против самовольного присвоения „шляхетских фамилий“ (Grzybowski, 1982, s. 497).

Заемствование иноязычных образцов именования является, как известно, универсальной модной тенденцией. При этом распространение модных стандартов носит зачастую центробежный характер. Польская шляхта, ориентированная на западную культуру, заимствовала из нее традицию именования двойными антропонимами, которая впоследствии распространилась среди аристократии католического вероисповедания: *Matheus Franciszek Sienkiewicz* 1724; *Dobrogost Kazimierz Boufal* 1715 (АБАК, т. 7, с. 195, 201); *Mikołaj Michał Eysymont* 1649 (АБАК, т. 1, с. 186).

Мода на иноязычные номинативные образцы инициировала представителей правящих кругов искать свою родословную в западноевропейских

странах. В этот период возрастает увлечение геральдикой, генеалогией, что способствует распространению моды на фамилии геральдического происхождения, которые служили символом древности, благородного происхождения рода.

После нобилитации белорусская шляхта получала чаще всего один из польских гербов, в силу чего фамилии, равные названиям гербов, нередко коррелируют с аналогичными польскими, что поддерживалось моделью с суффиксом *-ск*, ср.: *Antoni Dolegowski* 1764 (AtWil, s. 330), польск. геральд. *Dolega* — прасл. **dolqga* 'дельный, исполнительный человек' (Rymut, I, с. 141); в XIX в.: *Николай Ястрзем-ский* (МЭВит: 1849), ср. геральд. *Jastrzebiec*.

Ориентация на иностранные модели наименования соотносится с такой значимой модной ценностью, как экспрессивная демонстративность, которая, по мнению А. Б. Гофмана, имеет корни в биологических аспектах человеческого существования, хотя в различных культурах, безусловно, выступает совершенно по-разному (Гофман, 1994, с. 20).

С отмеченной выше демонстративностью как важнейшей атрибутивной ценностью моды отчасти связано расширение двухкомпонентной модели фамилий, которая впервые появилась у древних княжеских родов, а впоследствии распространилась среди шляхты.

В белорусском ареале были образованы четыре древние княжеские двойные фамилии: *Друцкий-Любецкий*, *Друцкой-Соколинский*, *Святополк-Мирский*, *Святополк-Четвертинский* (Унбегаун, 1989, с. 310), которые просуществовали до XX в., ср. в метриках: *Констанція урожденная изъ Волосовскихъ Святополкъ-Мирска* (МКМоссар: 1865); *Ганна Романовна Любецкая княжна Друцкая; дворянин Друцки Любецкіи* (ПЛДГ: 1860).

В XVII в. на белорусской территории возрастает число сложных фамилий, содержащих в качестве одного из компонентов геральдические названия. Отмечены фамилии, образованные по модели: 1) название герба + фамилия на *-ский*, ср.: рапа *Alexandra Korwina Gosiewskiego* 1612 > *Alexandr Korwin Gosiewski*; *Антоній Григорій Корвин-Милевский*, лит. антр. *Karvinas*; 2) геральдическое название + патроним на *-(ов)ич/-(ев)ич* (либо в обратном порядке): *Юстынианом Немировичем Щитом* > *Юстыниан Немирович Щит*, польск. *Szczyt* < *szczyt* 'гербовый щит' (Rymut, II, s. 531); *Щербо Равичь, Равичь-Щербо* (ММК: 1888), ср. польск. *Rawicz-Szczerba* < польск. геральд. *Rawa*; *Сленород-Занковичь* 1760, польск. геральд. *Śleporod*; *Андрей Дашкевич-Корыбут*; *Ludwikiem Kazimierzem Korybutem Daszkiewiczem* > *Ludwik Kazimierz Korybut Daszkiewicz* (АБАК, т. 7, с. 55).

Зафиксированы фамилии, в которых оба компонента являются оттопонимическими антропонимами с суффиксом *-ск* либо патронимами с суф-

фиксом *-(ов)ич/ -(ев)ич*: *Гринковичи-Ходкевичи* 1526 (АВАК, т. 7, с. 9); *Szawiński-Dziwanowski* 1764 (AtWil, s. 326).

Многокомпонентность фамилий поднимала их престиж, что способствовало популярности данной модели среди застенковой шляхты: *Antoni Sasin-Koszko* 1764; *Antoni Nieczuja-Galicz* 1764, ср. польск. геральд. *Nieczuja* < *nie czuć*; *Józef Kazimierz Drogomir-Petrykowski* 1764, польск. антр. *Drogomir*; *Tadeusz Rolicz-Orzechowski* 1764 (AtWil, s. 303–342); *Юнако-Гржибовский*, польск. геральд. *Junosza, Junok* < польск. *juniec* ‘молодой бык’ (Rymut, 1999, s. 359); *Черниловский-Сокол* (МстК: 1897); *pan Marcin Jasienczyk-Ochodnicki* (АВАК, т. 7, с. 407), ср. польск. геральд. *Jasienice, Jasieniec*.

Другой модной тенденцией является включение в состав фамилий древних придомков, которые частотны в метриках XVIII–н. XIX в.: *Ignacy Dunin-Ślepić* 1764 (AtWil, s. 334); *pan Józef Odlanicki Pochobunt* (АВАК, т. 7, с. 398); *Roman Ćwieciński-Szylo* 1764 (AtWil, s. 324); *Trojan Panko-Maksimowicz* 1764 (AtWil, s. 313); дворян *Викентія и Мальвины изъ Муслицких Волк-Леоновичей* (Бобр: 1888); дворян *Альберта Поликарпа и Марии урожденной Коровай-Метелицкой Быковских* (Бобр: 1888); *Bazyli Szapka Chotolski* (ИЮМ, 28, с. 97).

Отдельная группа — фамилии с древним двучленным литовским именем в числе одного из элементов многокомпонентного названия: *Яков Фаддей Довнар-Запольский* (АВАК, т. 7, с. 168) < лит. *Daiv-noras*; *Dowmonta Siesickiego* 1747 < лит. *Daiv-mantas*. Отмечены фамилии, оба компонента которых являются древними литовскими именами: *pan Piotr Milikont-Narwoysz* 1765 (АВАК, т. 7, с. 408) < лит. *Mil-kontas; Nar-vaišas* (LPZ, II, p. 244, 301). В XIX в. зафиксированы фамилии: *Эйгерм-Залеский* (ВишнК:1901) < лит. антр. *Ei-girdas*; *Монтвид-Леадамский* < лит. антр. *Mantvidas*; *Ёдка-Даневич*, *Ёдка-Наркевич*, *Ёдка-Павлович* < лит. антр. типа *Jóbutas* либо от литовского апеллятива *júodas* ‘черный’.

С целью усиления престижности компоненты фамилий могли переводиться на другие языки. Например, как известно, первый компонент фамилии *Карафа-Корбут* является переводом геральдического наименования *Корчак* на латинский язык: *Martini Floriani Karafa Korbut* (Малятич.: 1798).

Образование сложных структур связано с двумя противоположными тенденциям: модой на иностранное происхождение и стремлением сохранить традиционные семейные имена. При этом мода на сложные фамилии распространяется не только на белорусские, украинские, но и на татарские шляхетские роды, ср.: *Мустафа Мурза Татарский-Барановский* 1765; *pana Alexandra Murzy-Kreczowskiego* 1765; *pana Zacharyasza Murzy-Baranowskiego*; *pana Abrahamta Murzy Oleiewskiego* 1765 (АВАК, т. 7, с. 423, 424).

Популярность двойных фамилий была обусловлена не только потребностью в более точной идентификации личности, принадлежащей к сильно разветвленному роду, но являлась проявлением декларации принадлежности к древнему роду благородного происхождения как важнейшей ценности шляхетской культуры. С течением времени двойные фамилии приобретают семы „достоинее”, „красивее”, „престижнее”, так же, как несколько крестильных имен звучит лучше, чем одно (Bystroń, 1993, s. 74).

Мария Малец в работе „Zjawisko geminacji w polskiej antroponimii” (Malec, 1998) обратила внимание на интересный стилистический прием геминации, используемый в современных польских личных антропонимах с целью увеличения экспрессивности и оригинальности имени. Геминация как экспрессивное удвоение была также одним из способов «улучшения», поднятия престижа отпрозвищных и отыменных фамилий (Унбегаун, 1989, с. 250).

Удвоение согласных в фамилиях широко представлено в метриках, что закрепляло за ними статус официальных. Отмечается удвоение согласных *φ, л, п, с, т*:

— гемината *ll*: *Wollowicz* 1626; *Tolloczko* 1649 (АБАК, т. 1, с. 54, 118, 188); *Jundzillow* 1585 (АБАК, т. 7, с. 235, 318); *Butwillowska* (Kemesz.: 1796); *Koziełł* 1764 [AtWil, s. 318]; *Wall* 1710; *Sollogub* 1744 (АБАК, т. 7, с. 166, 186, 216); *Ryłło* 1764; *Epimach-Szypillo* 1764 (AtWil, s. 330, 333, 339); *Surwilla* (Давгел Ц: 1790); *Siellawa*; *Piotr Sagayłło* 1764 (AtWil, s. 327, 338).

— гемината *tt*: *Domontt* (КМВЕ: 1788); *Poczobutt* (МВВ Эйсм: 1802); *Ginttowt* (ЕкимЦ: 1798); *Wielbutt* (МВКамен: 1798); *Narbutt* (КМК: 1702); *Piotr Ginett* 1764 (АБАК, т. 7, с. 224); *Krzysztof Szczytt* (AtWil, с. 339);

— гемината *ss*: *Essmann*, *Eyssymont* (АБАК, т. 7, с. 388); *Łossowski* 1764 (AtWil, с. 330); *Ussowicz* 1765 (АБАК, т. 7, с. 396);

— гемината *ff < ww*: *Gin-tofft* (КМД: 1892);

— гемината *pp*: *Lappa* 1764 (AtWil, s. 315).

Наибольшую популярность многокомпонентные фамилии приобретают в XIX в. (Унбегаун, 1989, с. 309). На рубеже XIX–XX вв. в белорусском ареале нами зафиксировано около 350 двойных фамилий. В этот период основным модным способом их создания становится такая риторическая фигура, как повтор, который прослеживается на звуковом, лексическом и словообразовательном уровнях. Это свидетельствует о проявлении в создании фамилий игрового начала — четвертого важного признака модного объекта. В зафиксированных единицах преобладает анафора как особый вид повтора, ср.: *Вікенцій сынъ Антона и Маріи, урожденной Требо-Требушевской Хороца* (Стар-СК.: 1852); *Antonij Веунар-Бейнарлович Иванъ Карлович* (КМ Иказн.: 1848); *Борейко-Борейковна* (Дзерков.: 1849); *Витались Аугулись-*

-*Аугулевичь* (Бобр.: 1893); *Демидецкий-Демидович*, *Жибурт-Жибуртович*, *Линовский-Линовецкий*, *Монвиж-Монтвид*, *Почина-Починский* и др.; реже отмечается эпифора: *Рылло-Юндзилло*.

Характерно, что экспрессивная демонстративность, отмеченные выше социальные коннотации престижности, снобизма у данного типа фамилий становятся причиной их обыгрывания в языке художественной литературы. Например, в произведении Уладзіміра Караткевіча „Дзікае паляванне караля Стаха” при описании застенковой белорусской шляхты, ср.:

Тут амаль што не было чыстых позіркаў, але затое якія былі прозвішчы! Мне ўсё здавалася, што я сяджу ў архівах і чытаю старажытныя акты якога-небудзь Пінскага копнага суда.

- Пан Сава Матфеевіч Стахоўскі з сынамі, – агалошваў лёкай.
- Пані Агата Юр’еўна Фалендыш-Хобалева з мужам і сябрам дома.
- Пан Якуб Барбарэ-Гарабурда.
- Пан Мацей Мустафавіч Асановіч.
- Пані Ганна Аўрамовіч-Басяцкая з дачкою.

Приведенный пример позволяет проследить языковые приемы, используемые автором для придания шляхетским фамилиям оттенка „благородности”: расширенные антропонимические формулы с апеллятивом *пан*, указывающие на социальный статус лица, обилие двухкомпонентных фамилий; заимствование и перевод фамилии и/или ее компонента на другие языки. При этом, в соответствии со своей концепцией десакрализации и демонизации шляхетского сословия как „чужого”, Уладзімір Караткевіч использует прием языковой игры с целью создания юмористического эффекта, иронизирует над антропонимическими вкусами высших социальных слоев, что приводит к переплетению и столкновению противоположных коннотаций „иноязычных” фамилий белорусской шляхты в тексте произведения. Характерно, что в противоположность фамилиям деградирующей шляхты, ориентировавшейся на иностранные образцы наименования, в фамилии *Светілавіч* положительная оценка отражена не только во внутренней форме онима, но и в выборе антропонимического форманта *-(ов)ич*, содержащего белорусский национально-культурный компонент значения.

В настоящее время обнаруживается такое качество языковой моды, как цикличность, которое проявляется в возросшем интересе белорусов к своей генеалогии, поисках архивных документов, подтверждающих принадлежность их предков к шляхетскому сословию, изучении своих родословных, попытках связать их с древним „иностранном” происхождением. Об этом свидетельствуют полевые исследования, проведенные нами в 2004–2006 гг. на территории белорусско-польского пограничья (Гурская, 2001, с. 420–

–446), а также большое количество изданных в последнее десятилетие исторических публикаций, связанных с изучением генеалогии, геральдики; рубрики в газетах, передачи на радио, посвященные происхождению фамилий. Важным средством информации изучения фамилий в настоящее время является Интернет, где в комментариях и на генеалогических форумах фамилии часто становятся предметом рефлексии, связанной с их историей и этимологией, национально-культурным своеобразием, правописанием, частотностью и оригинальностью, а также с эстетическими вкусами их носителей. Под влиянием возросшего интереса к своим корням, установления идентичности интерес представляют хоть и немногочисленные, но показательные случаи разного типа трансформаций, изменений фамилий на древние родовые с целью актуализации коннотаций социальности, национальной специфики или иноязычности.

Проанализированный материал свидетельствует о воздействии на формирование фамилий комплекса социокультурных факторов, в том числе и такого мотиватора, как феномен моды. Данная проблема требует дальнейшего изучения путем привлечения новых источников в широком контексте мировых интеграционных процессов.

ИСТОЧНИКИ

Опубликованные

- Бірыла, М. В. (1969). Беларуская антрапанімія. Ч. 2. Мінск: Навука і тэхніка.
- АВАК — Акты, издаваемые Археографической комиссией для разбора древних актов: в 39 т. (1865–1915). Вильна: Тип. А. К. Киркора.
- ИЮМ — Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске. В 32 вып. Центральный архив древних актовых книг Витебской и Могилевской губернии. Витебск, 1871–1906.
- ЛМ — Литовская метрика = Lietuvos Metrika (1993–2007). Ин-т истории Литвы. Подгот. Э. Банионис; А. Балюлис и др. Вильнюс, 1993–2007.
- РИБ — Литовская метрика. Отд. первый. Императорская археографическая комиссия Петроград, 1915, Ч. 3: Книги публичных дел. 1378 с. (Русская историческая библиотека, XXXIII).
- AtWil — Rejestr popisowy województwa Połockiego (1936). Ateneum Wileńskie, 11. Wilno, s. 303–342.

Рукописные

- Национальный Исторический архив Беларуси
- Бобр.: 1888–1893. Метрические книги Бобруйского костела. Ф. 1781, оп. 42, ед. хр. 11–16.
- ВишнК: 1901. Метрическая книга Вишневого Костела. Ф. 1781, оп. 49, ед. хр. 58.

- Давгел Ц: 1790. Метрические выписи по Завилейскому Деканату. Lietuvos Valstybės Istorijos Archyvas. F. 604, №11, Vt. 25.
- Дзерков.: 1849. Метрические выписи о родившихся, бракосочетавшихся и умерших по приходам Надвилейского Р-К Деканата. Дзерковский приход. Lietuvos Valstybės Istorijos Archyvas. F. 604, № 49, Vt. 1.
- КМ Иказн.: 1848. Книга метрических выписей о родившихся, бракосочетавшихся и умерших Дисненского Р-К Деканата. Lietuvos Valstybės Istorijos Archyvas. F. 604, № 47, Vt. 2.
- Малятич.: 1798. Метрические книги Малятичской Церкви. Ф. 1781, оп. 26, ед. хр. 1195.
- МВВ Эйсм: 1802. Метрические выписи окрещений, бракосочетаний и смертей Велико-Эйсмонтовского костела. Lietuvos Valstybės Istorijos Archyvas. F. 604, № 10, Vt. 129.
- МВКамен: 1798. Метрические выписи окрещений, бракосочетаний и смертей по Гродненскому Деканату. Lietuvos Valstybės Istorijos Archyvas. F. 604, № 11, Vt. 25.
- МКМоссар: 1865. Выписи Метрической книги Моссаржской Р-К Приходской Церкви о родившихся. Ф. 1781, оп. 37, ед. хр. 2.
- ММК: 1888. Метрическая книга Мариинского Могилевского Фарного приходского Костела о рождении. Ф.1781, оп. 48, ед. хр. 48, сер. 1.
- МстК: 1897. Метрические книги Мстиславского приходского Костела. Ф. 1781, оп. 48, ед. хр. 57.
- МЭВит: 1849. Метрические Экстракты Витебского Деканата за 1849 г. Ф. 1781, оп. 38, ед. хр. 6.
- ПЛДГ: 1860. Метрические книги Пинского Деканата. Ф. 1781.
- Стар-СК.: 1852. Метрическая книга Старосельской Церкви. Ф. 2301, оп. 2, ед. хр. 1.
- Еким Ц: 1798. Метрические книги и выписи из них Костелов Полоцкого уезда Витебской губернии. Ф. 1781, оп. 26, хр. 1197.
- КМК: 1702; Kemesz.: 1796. Kopia Metryk Kościoła Kiemieszowskiego. Ф. 937, оп.4, ед. хр. 37.
- КМД: 1892. Kopia Metryk Kościoła Dokszyckiego. Ф. 937, оп.4, ед.хр. 33 А.
- КМВЕ: 1788. Księga Metryk Pogrzebowych Kościoła Parafialnego Rzymsko-Katolickiego Wielka Eusymontowskiego.
- http://knihi.com/Uladzimir_Karatkievic/Dzikaje_palavannie_karala_Stacha.html

ЛИТЕРАТУРА

- Бондалетов, В. Д. (1983). Русская ономастика. Москва: Просвещение.
- Вепрева, И. Т., Мустайоки, А. (2006). Какое оно, модное слово: К вопросу о параметрах модного слова. Русский язык за рубежом, 2, с. 45–62.
- Врублевская, О. В. (2014). Названия торжественных мероприятий с точки зрения языковой моды. Известия ВГПУ. Серия: Филологические науки, 5 (90), с. 79–83.
- Врублевская, О. В. (2015). Модный антропоним в языковом сознании современных носителей русского языка: Экспериментальное исследование. Филологические науки. Вопросы теории и практики, 10 (52), с. 53–57.
- Гофман, А. Б. (1994). Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. Москва: Наука.
- ГСБМ — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Гал. рэд. А. І. Жураўскі. Вып. 1–. Мінск: Акад. навук Беларусі. Ін-т мовазнаўства, 1996–.
- Гурская, Ю. А. (2011). Древние фамилии современного белорусского ареала на славянском и балтийском фоне. 2 изд. Минск: Право и экономика, с. 420–446.
- Карасик, В. И. (1991). Язык социального статуса. Москва: Ин-т языкознания РАН.

- Крюкова, И. В. (2004). Рекламное имя: От изобретения до прецедентности. Волгоград: Перемена.
- Крюкова, И. В. Научные подходы к исследованию личного имени, <http://azbuka.in.ua/wp-content/uploads/2014/09/Kryukova-I.-V.pdf>
- Медвідь-Пахомова, С. М. (2003). Екстралінгвальні фактори в контексті розвитку слов'янських антропонимів. Навчальний посібник до спецкурсу „Історія антропонимів слов'янських мов”. Ужгород: Мистецька лінія.
- Никонов, В. А. (2007). География фамилий. Москва: КомКнига.
- Ряпихова, М. М. (2013). Проявление языковой моды в политическом дискурсе. Филологические науки. Вопросы теории и практики, 4 (22), с. 162–165.
- Свяжынскі, У. (2005). Народы і мовы. У: Г. П. Пашкоў і інш. (рэд.), Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. Т. 1. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя.
- Унбегаун, Б. О. (1989). Русские фамилии. Пер. с англ.; общ. ред. Б. А. Успенского. Москва: Прогресс.
- Яковенко, М. В. (2003). Сопоставительный анализ русских, украинских и английских фамилий отонимного происхождения. Вісник Донецького національного університету. Сер. Б.: Гуманітарні науки. 1–2, т. 1, с. 360–364.
- Bystroń, J. S. (1993). *Nazwiska polskie*. Warszawa: Książka i Wiedza.
- Bubak, J. (1978). *Imiona modne*. *Onomastica*, XXIII, s. 177–182.
- Cieślíkowa, A. (1994). *Imiona i nazwiska we współczesnej polszczyźnie. Moda i użycie tekstowe*. W: K. Handke, H. Dalewska-Greń (red.), *Polszczyzna a/i Polacy u schyłku XX wieku*. Warszawa: Tow. Naukowe Warszawskie.
- Grzybowski, S. (1982). *Nazwisko i jego stałość jako element identyfikacji osoby w dawnym prawie polskim*. *Onomastica*, XXXIV, s. 485–514.
- GS^М — *Gistaryčny sloŭnik belaruskaj movy*. Gal. red. A. ĩ. Źuraŭski. vyp. 1–. Minsk: Akad. navuk Belarusi. In-t movaznaŭstva. 1996–.
- Maciejauskienė, V. (1991). *Lietuvių pavardžių susidarymas XIII–XVIII a.* Vilnius: Mokslas.
- Malec, M. (1994). *Imiona chrześcijańskie w średniowiecznej Polsce*. Kraków: IJP PAN.
- Malec, M. (1996). *O imionach i nazwiskach w Polsce. Tradycja i współczesność*. Biblioteczka TMPJ, 23. Kraków: TMJP.
- Malec, M. (1998). *Zjawisko geminacji w polskiej antroponimii*. W: E. Jakus-Borkowa, K. Nowik (red.), *Najnowsze przemiany nazewnicze*. Warszawa: Energeia.
- Malec, M. (2001). *Imię w polskiej antroponimii i kulturze*. Kraków: DWN.
- LPZ — *Lietuvių pavardžių žodynas*. Рэд А. Vanagas, V. Maciejauskiene, M. Razmukaite. Т. 1–2, Vilnius: Mokslas, 1985–1989.
- Rymut, K. (1999–2001). *Nazwiska Polaków. Słownik historyczno-etymologiczny*. Т. 1–2. Kraków: Wyd. IJP PAN–DWN.
- Wolnicz-Pawłowska, E., Szulowska, W. (1998). *Antroponimia polska na Kresach południowo-wschodnich. XV–XIX wiek*. Warszawa: Tow. Naukowe Warszawskie–Instytut Sławistyki PAN.

SUMMARY

EVOLUTION OF SURNAMES IN THE ASPECT OF THE LINGUISTIC FASHION:
TRENDS AND LANGUAGE MECHANISMS

The article is devoted to the consideration of names in terms of language fashion. The purpose of the article is to study the influence of fashion on the formation and development of the family system of the modern Belarusian area. To achieve this goal, the author analyzes the anthroponymic material of the business literature of the Grand Duchy of Lithuania from the 14th to the 17th centuries, as well as the unpublished metric books of the 18th and 19th centuries. The documents studied were written in Old Belarusian, Latin, Polish and Russian. Based on the analysis of a significant number of sources, the signs of surnames as fashionable objects are determined based on the sociological concept of fashion, the features of the formation and functioning of surnames from the point of view of the language mode are described, fashionable nominative tendencies such as orientation to foreign naming models, the replacement of single-component surnames by double ones components), the use of gemination, repetition at all language levels that can perform a game function. A diachronic study of the evolution of the family system from the point of view of the phenomenon of fashion makes it possible to identify fashionable nominative tendencies dominating in different periods, and also to try to explain the appearance of fashion trends in the modern family name system.

Key words: anthroponym, names, surnames, linguistic fashion, fashion trends

REFERENCES

- Åkovenko, M. V. (2003). Sopostavitel'nyj analiz russkih, ukrainskih i anglijskih familij otonimnogo proishozhdeniã. *Visnik Donec'kogo nacional'nogo universitetu. Ser. B.: Gumanitarni nauki.* 1–2, t. 1, s. 360–364.
- Bondaletov, V. D. (1983). Russkaã onomastika. Moskva: Prosvešenie.
- Bubak, J. (1978). Imiona modne. *Onomastica*, XXIII, s. 177–182.
- Bystron, J. S. (1993). *Nazwiska polskie.* Warszawa: Ksiãżka i Wiedza.
- Ciešlikowa, A. (1994). Imiona i nazwiska we współczesnej polszczyźnie. *Moda i użycie tekstowe.* W: K. Handke, H. Dalewska-Greń (red.), *Poliszczyzna a/i Polacy u schyłku XX wieku.* Warszawa: Tow. Naukowe Warszawskie.
- Gofman, A. B. (1994). *Moda i lüdi. Novaã teoriã mody i modnogo povedeniã.* Moskva: Nauka.
- Grzybowski, S. (1982). Nazwisko i jego stałość jako element identyfikacji osoby w dawnym prawie polskim. *Onomastica*, XXXIV, s. 485–514.
- GSBM — Gistaryčny słoŭnik belaruskaj movy. Gal. red. A. Ā. Źuraŭski. vyp. 1–. Minsk: Akad. navuk Belarusi. In-t movznaŭstva. 1996–.
- Gurskaã, Ū. A. (2011). Drevnie familii sovremennoego belorusskogo areala na slavãnskom i baltijskom fone. 2 izd. Minsk: Prawo i ekonomika, s. 420–446.
- Karasik, V. I. (1991). *Åzyk social'nogo statusa.* Moskva: Institut åzykoznaniiã RAN.
- Krũkova, I. V. (2004). Reklamnoe imã: Ot izobreteniã do precedentnosti. Volgograd: Peremena.
- Krũkova, I. V. Naučnye podhody k issledovaniũ ličnogo imeni, <http://azbuka.in.ua/wp-content/uploads/2014/09/Kryukova-I.-V.pdf>
- LPZ — Lietuvių pavardžių žodynas. Pėd A. Vanagas, V. Maciejauskiene, M. Razmukaite. T. 1–2, Vilnius: Mokslas, 1985–1989.

- Maciejauskienė, V. (1991). Lietuvių pavardžių susidarymas XIII–XVIII a. Vilnius: Mokslas.
- Malec, M. (1994). Imiona chrześcijańskie w średniowiecznej Polsce. Kraków: IJP PAN.
- Malec, M. (1996). O imionach i nazwiskach w Polsce. Tradycja i współczesność. Biblioteczka TMPJ, 23. Kraków: TMJP.
- Malec, M. (1998). Zjawisko geminacji w polskiej antroponimii. W: E. Jakus-Borkowa, K. Nowik (red.), Najnowsze przemiany nazewnictwa. Warszawa: Energeia.
- Malec, M. (2001). Imię w polskiej antroponimii i kulturze. Kraków: DWN.
- Medvid'-Pahomova, S. M. (2003). Ekstralingval'ni faktori v konteksti rozvitku slov'ans'kih antroposistem. Ужгород: Мистецька лінія.
- Nikonov, V. A. (2007). Geografiâ familij. Moskva: KomKniga.
- Râpihova, M. M. (2013). Proâvlenie âzykovoj mody v političeskom diskurse. Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 4 (22), s. 162–165.
- Rymut, K. (1999–2001). Nazwiska Polaków. Słownik historyczno-etymologiczny. T. 1–2. Kraków: Wyd. IJP PAN–DWN.
- Svâžynski, U. (2005). Narody i movy. U: G. P. Paškoŭ i inš. (rêd.), Vâlikae knâstva Litoŭskae: Ęncyklapedyâ. T. 1. Minsk: Belaruskââ Ęncyklapedyâ.
- Unbegaun, B. O. (1989). Russkie familii. Per. s angl.; obš. red. B. A. Uspenskogo. Moskva: Progress.
- Vepreva, I. T., Mustajoki, A. (2006). Kakoe ono, modnoe slovo: K voprosu o parametrah modnogo slova. Russkij âzyk za rubežom, 2, s. 45–62.
- Vrublevskaâ, O. V. (2014). Nazvaniâ toržestvennyh meropriâtij s točki zreniâ âzykovoj mody. Izvestiâ VGPU. Seriâ: Filologičeskie nauki, 5 (90), s. 79–83.
- Vrublevskaâ, O. V. (2015). Modnyj antroponim v âzykovom soznanii sovremennyh nositelej russkogo âzyka: Ęksperimental'noe issledovanie. Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 10 (52), s. 53–57.
- Wolnicz-Pawłowska, E., Szulowska, W. (1998). **Antroponimia polska na Kresach południowo-wschodnich. XV–XIX wiek.** Warszawa: Tow. Nakowe Warszawskie–Instytut Sławistyki PAN.